

Фелликс МЕДВЕДЕВ

ОКНО
в
ИСТОРИЮ

О Сталине без истерик

bhv®

Окно в историю

Феликс Медведев

О Сталине без истерик

«БХВ-Петербург»

2013

Медведев Ф. Н.

О Сталине без истерик / Ф. Н. Медведев — «БХВ-Петербург»,
2013 — (Окно в историю)

Книга посвящена Сталину и сталинщине. Кроме интервью автора с теми, кто лично знал «вождя народов», – его приемным сыном Артемом Сергеевым, последним кремлевским наркомом Николаем Байбаковым, Серго Микояном, вдовой Николая Бухарина Анной Бухариной-Лариной, Сергеем Михалковым, – в книгу вошли фрагменты бесед на болезную и по-прежнему актуальную тему с дочерью Карла Радека Софьей, художником Михаилом Шемякиным, французским философом-социалистом Роже Гароди, писателем Эдуардом Лимоновым и другими. В книге использованы письма, стихи, фотографии на тему сталинщины из архива автора.

© Медведев Ф. Н., 2013

© БХВ-Петербург, 2013

Содержание

Предисловие	6
Часть I. Каким запомнили его они	7
Глава 1. Приемный сын Сталина генерал Артем Сергеев: «Я выжил потому, что молчал»	7
Глава 2. Последний кремлевский нарком Николай Байбаков: «Я кашлянул, и Сталин обернулся»	17
Глава 3. Жена Н. И. Бухарина Анна Бухарина-Ларина: «В шапке Сталина меня вели на расстрел...»	20
Глава 4. Сын А. И. Микояна Серго Микоян: «Сталин ждал, когда мой отец покончит с собой...»	30
Глава 5. Главный конструктор ОКБ им. А. И. Микояна корпорации «МиГ» Николай Матюк: «Я ничего не просил у вождей для себя»	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Феликс Медведев

О Сталине без истерик

© Медведев Ф. Н., 2013

© Оформление, издательство «БХВ-Петербург», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Имя Феликса Медведева, российского журналиста, легендарного «огоньковца», внука репрессированного при Сталине венгерского революционера, поэта, врача Золтана Партоша, известно у нас в стране и за рубежом. Начал печататься в СМИ в 1954 году. Лауреат премий Союза журналистов СССР, журналов «Огонек», «Москва», «Родина», газет «Литературная Россия», «Вечерний клуб» и др., «живой классик жанра», «мастер “непричесанных” интервью», он более чем за полвека работы в прессе опубликовал неисчислимое количество материалов. Его интервью с Г. Г. Маркесом, Ф. Саган, А. Миллером, И. Бродским, Н. Берберовой, Великим князем В. К. Романовым, К. Воннегутом, М. Горбачевым, Г. Вишневской, Б. Березовским и другими деятелями мировой культуры и политики становились сенсациями. Две публикации Ф. Медведева вошли в «Хрестоматию отечественной журналистики второй половины XX века» (изд-во МГУ, 2009).

В 1987–1990-х годах вел телепередачи «Зеленая лампа» и «Парижские диалоги». Автор книг «Трава после нас», «Цена прозрения», детектива о гибели принцессы Дианы «Смерть под вспышкой», «Я устал от XX века», «Я тебя никогда не забуду» (об А. Вознесенском), «Мои великие старухи», «Мои великие старики» и др.

Предисловие

*Ну что, генералиссимус прекрасный,
потомки, говоришь, к тебе пристрастны?
Их не угомонить, не упросить...
Одни тебя мордуют и поносят,
другие все малюют, и возносят,
и молятся, и жаждут воскресить.*

Булат Окуджава

Тема Сталина сегодня в моде. Прилавки книжных магазинов заполняют все новые и новые штудии о жизни и деятельности «вождя народов». Авторы самого разного профиля – историки, романисты, банальные графоманы... Оскорбительным для многих верующих людей стало название одного «шедевра» – «Христос и Сталин».

Я не имею никакого отношения к «самому-самому» из «самых-самых». Кроме, пожалуй, двух-трех пересечений чудовищных событий под названием «сталинщина» с моей обыкновенной биографией.

Во-первых, родился я 22 июня 1941 года ранним утром, часа в четыре... Как поведал мне наш старейший актер Владимир Этуш, он именно в это время, после выпускного бала шел по улице Горького домой и вдруг увидел, что по направлению к Кремлю несутся два черных лимузина. «Ночью в Кремль... неужели война?» – подумал он.

И точно. Это ехал к министру иностранных дел СССР Молотову посол Германии Шуленберг, чтобы объявить Кремлю о начале военных действий Гитлера против Советского Союза. Можно предположить, что ранним утром 22 июня товарища Сталина неожиданно разбудили. И вслед за этим он исчез из поля зрения своего народа до... 3 июля, когда, наконец, выступил перед страной по радио.

Вторая «привязка» к теме «Сталин» трагична. Это три ареста сталинско-нквдэшной конторой моего деда – венгерского эмигранта, врача по профессии, революционера по призванию, поэта.

И еще один момент. Я живу в той части Трубной площади, которая примыкает к стене древнего Рождественского монастыря. Именно эти 100–200 метров земли 6 марта 1953 года были залиты кровью тысяч москвичей, стоявших в гибельной многокилометровой очереди в Колонный зал Дома союзов, где лежало тело вождя народов, и попавших в смертельную давку. Всякий раз, когда я спускаюсь по Рождественскому бульвару к Трубной площади, мне мерещится на асфальте кровь тех, кто шел проститься с «генералиссимусом прекрасным»...

Как журналист я общался со многими своими коллегами, а также с государственными деятелями, учеными, писателями, военными, родившимися в начале века и лично встречавшимися со Сталиным, и с теми, кто в свое время слушал рассказы других о встречах с ним. Кроме этого, во многих интервью мы с моими собеседниками, рассуждая об истории страны, в том или ином контексте касались фигуры «вождя народов», говорили о трагических судьбах современников в годы репрессий. Все эти свидетельства различны, противоречивы, в чем-то субъективны, но этим и интересны. Думаю, они имеют право быть обнародованными и сведенными под одной обложкой. Без каких-либо комментариев.

Мне кажется, эта неожиданная и необычная «сталиниада» может еще раз напомнить нам об опасности для страны культа «вождизма».

Часть I. Каким запомнили его они

Глава 1. Приемный сын Сталина генерал Артем Сергеев: «Я выжил потому, что молчал»

Оприемном сыне Сталина я узнал лет сорок тому назад из знаменитой когда-то книги французского писателя Анри Барбюса «Сталин». Больше об Артеме Сергееве я нигде не читал и ни от кого не слышал этого имени. И только в перестроечные времена Анна Михайловна Бухарина-Ларина рассказала мне о человеке, который попал в семью «вождя народов» в раннем детстве как ребенок-сирота. Отцом же его был прославленный революционер «товарищ Артем», погибший в 1921 году. Но в 1980-е годы найти Артема Сергеева мне не удалось, в горбачевское правление он жил отчужденно, не показываясь на людях. Журналисты, похоже, не искали его, то ли забыв о существовании приемного сына вождя, то ли не решаясь в те годы на интервью с сыном распинаемого тирана.

Мне помог случай – когда я брал интервью для одной из газет у вдовы сына Анастаса Микояна, мамы знаменитого музыканта Стаса Намина Нами Артемьевны Микоян, она вдруг неожиданно произнесла имя Сергеева. Оказалось, что они давние-давние друзья. По моей просьбе Нами Артемьевна тут же позвонила Артему Федоровичу, который дал согласие на встречу:

– Ко мне ехать так: на машине или на автолайне по Рублевскому шоссе до ресторана «Царская охота», по приезде наберите мой номер, я объясню, как меня найти, пешком десять минут. Вас встретят...

Ухоженный участок земли, сад, вокруг приметы золотой осени. Вроде бы с виду неказистый дом, но войдешь внутрь – просторно, много помещений, старая мебель. На встречу с хозяином меня ведет молодой человек кавказской внешности – то ли помощник-ординарец, то ли охранник кавалера ордена маршала Жукова генерала Сергеева.

А вот и он – Артем Федорович Сергеев.

Навстречу поднимается из кресла подвижный, энергичный, с открытым лицом и уверенным взглядом человек, которому ни за что не дашь 85 лет, хотя именно к этой знаменательной дате он приближается.

Как только заговорили, я понял, что Артем Федорович и душой молод, и памятью остр. Речь его живая, откровенная.

– ...Это место, которое когда-то было скотопрогоном, мама купила за пять тысяч рублей много лет назад. Усадьба была большая, но хрущевские урезания колхозных усадеб нас не коснулись, мать-то не была колхозницей. Хозяином этих мест был некий Клюквин, работал на железной дороге. А нынче в моих соседях уж лет десять пребывает один известный олигарх...

– Артем Федорович, почему так вышло, что о вас почти ничего не известно? Не шутка все-таки – приемный сын самого Сталина, доживший до нынешних времен.

– А все просто – о своей близости к Сталину и его семье я нигде никогда ни с кем не говорил. И мать моя об этом молчала.

– Вы хотите сказать, что ваша мама у властей ничего не просила? Иначе бы ваше инкогнито раскрылось.

– Никогда ничего не просила. Поэтому Власик, возглавлявший многие годы охрану Сталина, думал, что ее давно уже нет в живых.

– А вы можете хотя бы сейчас представиться: «Я приемный сын Иосифа Виссарионовича Сталина?»

– Нет, в таком плане я не представляюсь. Другое дело, что когда-то в тридцатые годы о моем существовании написал в своей книге французский писатель Анри Барбюс. Книга так и называлась «Сталин». А в ней такие слова: «Сталин усыновил Артема Сергеева, отец которого погиб в автомобильной катастрофе». Книга вышла небольшим тиражом, ее мало кто читал. Пожалуй, только те, из верхов, из членов Политбюро. Ну что ж, читали и читали. Жизнь шла своим чередом, и я уже давно понял, что в моем молчании – мое счастье. Я нигде не лез со своей биографией, хотя вокруг было много людей, которые пытались себя показать. Для многих это кончилось плохо.

– Получается, возле Сталина, возле его сына Василия, членов его семьи крутился, прости, какой-то мальчик, и никто им не интересовался?

– Да, примерно так: Сергеев и Сергеев, сын революционера Артема Сергеева, известного как «товарищ Артем».

– А позже, после смерти вождя и его сына Василия? Скажем, Хрущев о вас знал? Он-то, громя сталинское наследство, должен был знать, что у Сталина был приемный сын, друг Василия Иосифовича, которого сам Никита Сергеевич отправил в тюрьму?

– Да, именно так, не знал меня Хрущев, совершенно не знал. И Брежнев меня не знал.

– Ничего не понимаю, ведь вы не просто член семьи главы государства, вы стали генералом Советской армии. Генерал – это не иголка в стоге сена!

– А я и в армии нигде особо не лез. И служил не в так называемом Арбатском округе, а в армии, в войсках, далеко от Москвы. И на западе, и на востоке, и за краем света. В 1937–1938 годах учился в военной школе, стал солдатом, потом курсантом 2-го Ленинградского артиллерийского училища. Окончив его в 1940-м, командовал взводом 13-го артиллерийского полка 1-й мотострелковой дивизии. Был командиром батареи и участвовал в боях с фашистами. Мы дрались с вражескими танками, которыми командовали Гудериан и Гот. Имена немецких командиров узнали от пленных.

После того как наши орудия были разбиты, меня назначили командиром стрелковой роты. Мы оказались в немецком тылу, в окружении. Собрали небольшой офицерский партизанский отряд. Попал в плен, оказался в концлагере, потом в тюрьме в Орие. Сумел сбежать.

Конечно, если бы кто-то знал мою подлинную биографию, мою фамилию, мне конец. А так я был просто Сергей Сарычев. И только один человек знал, кто я такой, – знаменитый командир партизанского соединения Флегонтов, он погиб в 1943 году. Ему-то я поведал всю свою подноготную.

– Поскольку вы много лет были со Сталиным рядом, скажите, каким было его лицо? Считается, что оно на фотографиях приукрашено, на самом деле оно было рябым, в оспинах, что очень бросалось в глаза.

– Каким было его лицо? Оно было красивым, не расписным, но красивым, хорошим. Это было красивое лицо, безо всяких изъянов. Говорят – конопатый... Минуточку, но кто это видел? Да, оспинки присутствовали, но они были почти незаметны. Это было лицо умного, простого человека. Мне с раннего детства запомнилось, с каким уважением относились к Иосифу Виссарионовичу все, кто были рядом с ним, общались по работе, по службе.

Как-то у племянницы Надежды Аллилуевой Киры Павловны, которая сама пострадала в годы репрессий, спросили, каким был Сталин, и она ответила: «Если правду сказать – обаятельным он был человеком».

– Ну, хорошо, коль Сталин был вашим названным отцом, как он общался с вами – ласкал, целовал, преподносил подарки? Воспитывал, наконец?

– Да, он был ласковым отцом. По натуре взрывной, импульсивный, но чрезвычайно педагогичный. Он не давал ребенку считать себя несмышленьким и со мной, с Василием и Свет-

ланой на очень серьезные темы разговаривал доходчиво, понятно. Как бы на нашем, еще детском, уровне.

Иногда Иосиф Виссарионович ставил нас друг другу в пример. Когда видел, что у Василия плохие отметки, он его пробирал и ставил в пример меня. Отец знал, что Василию это очень неприятно. Василий был добрым, он мог все отдать, все подарить, но по натуре он был честолобив и даже властолюбив.

Помимо разных сувениров, я получил от Сталина в подарок две книжки: одну в 1928 году, другую – 1929-м. К сожалению, они у меня пропали. На книге Даниэля Дефо «Робинзон Крузо» он написал: «Дружку моему Томику, с пожеланием ему вырасти сознательным, стойким и бесстрашным большевиком». Томиком Сталин называл меня в память о моем отце, которого когда-то в эмиграции называли на тамошний манер Томом.

Конечно, он был очень занятым человеком и с детьми занимался нечасто – только когда выпадала свободная минута. Из своего рабочего кабинета он возвращался поздно, но если дети не спали, подходил и разговаривал.

– Вы бывали в его рабочем кабинете?

– Вы сейчас удивитесь, но в те годы, которые я хорошо помню, рабочим кабинетом Сталина была как бы вся квартира. После смерти жены у него не было своего семейного дома. Была комната Светланы, комната Васи, кухня, а дальше – дверь и его комната. Здесь же – небольшое помещение-столовая, может быть, чуть больше этого, в котором мы с вами разговариваем. Налево – его спальня. Направо – большая комната – зал заседаний для узкого круга, а дальше – большой зал заседаний Совета министров. То есть Сталин как бы всегда находился на рабочем месте.

Помню такой эпизод в 1938 году. Сталин посылал в Белоруссию для ликвидации репрессий молодого партийца Пантелеймона Пономаренко. Задание давал ему так: «Вот стоит телефон, – указывал он на свой аппарат, – у тебя будет такой же, а рядом будут лежать книжечки с номерами аппаратуры ВЧ, внутренней кремлевской связи... На всякий случай можешь запомнить и мой телефон. Если что не так, звони, я всегда на месте».

Вот и выходит, что рабочим днем Сталина был и день, и ночь.

– Любопытно, а где приводил себя в порядок глава страны, скажем, стригся, брился? В особой парикмахерской?

– Не совсем в особой, в Кремле была одна парикмахерская на всех. Мне казалось, что брился он сам, потому что никто, на моей памяти, брить его не приходил. А стригся он, видимо, в той же общей парикмахерской. Она находилась в Кавалерском корпусе. Однажды я, мальчишка, ждал в ней своей очереди подстричься. Приходит Михаил Иванович Калинин, я, конечно же, сразу уступил ему свою очередь. А он в ответ вдруг говорит: «Нет, нельзя... Сейчас твоя очередь, вот и пользуйся ею. Разве есть у нас такие законы, по которым Михаил Иванович Калинин мог бы без очереди в парикмахерской обслуживаться? Нет таких законов. А законы пишу я, и прежде всего я должен их выполнять. А такого закона я никогда не писал и никогда не подпишу его. Так что смело занимай свое место».

– Да, как говорится, «были люди в наше время»...

– Конечно были, вы зря иронизируете. Вспоминаются такие эпизоды, о которых мне подробно рассказывал Иван Александрович Серов, тогдашний министр госбезопасности. Вы наверняка слышали сплетню о том, что Сталин не ездил на фронт, что он всего боялся. Так вот однажды Сталин приказывает: готовьтесь к поездке на Западный фронт! Иван Александрович готовит машины, людей – минимальное количество. Приезжают в штаб Западного фронта. Сталин интересуется, как идет работа, как наша авиация, по ходу хвалит дальнюю авиацию Голованова за то, что она выполняет любые задачи.

Переехали на Калининский фронт. Из штаба он звонит в Москву Маленкову. Маленков спрашивает: «Откуда вы звоните, товарищ Сталин?» Ответ: «Это неважно...» Идет опять

длинный разговор, и снова имя Голованова произносится в превосходной степени. Тогда Сталин говорит Маленкову: «Завтра в газетах напечатать приказ о присвоении Голованову звания маршала авиации». Сразу же по телефону вызывают Голованова, Сталин поздравляет командующего с присвоением звания маршала. Тот говорит, что ничего об этом не знает. Сталин парирует: «Газеты надо читать!»

Второй эпизод: как мы с Василием узнали от Серова о денежной реформе в 1947 году. В присутствии его жены и жены Василия Сталина Кати Тимошенко Иван Александрович вдруг пару раз взглянул на часы и произнес: «Все, ваши денежки плакали... Они больше не действуют». Все замерли. Жена Серова как закричит на мужа: «Ах ты, сволочь, почему мне не сказал?» А он отвечает: «Потому и не сказал, что это дело мне поручили, там наверху знают, что я никому, даже тебе, не расскажу...»

Катя же Тимошенко хладнокровно произнесла: «А мне все равно, у нас кроме долгов ничего нет».

Новые ассигнации 1947 года развозили на боевых кораблях, и Серов сказал, что любому, кто разгласил бы тайну этой операции, грозил неминуемый расстрел.

– Как вы, Артем Федорович, стали приемным сыном Сталина? Я слышал, что вы попали в семью вождя потому, что Сталин хотел, чтобы его сын рос вместе с каким-нибудь пацаном, что называется, легче воспитывать.

– История такая. Мой отец был известным революционером. Со Сталиным они крепко дружили с 1906 года. Оба были делегатами разных еще дореволюционных партийных съездов. Оба побывали в тюрьмах, ссылках. Встретившись в семнадцатом году, уже не расставались до самой смерти отца. А умер отец случайно, в результате автомобильной аварии на 104 километре дороги Москва – Тула. Но, отправляясь как делегат X съезда партии на подавление Кронштадтского мятежа, отец попросил Иосифа Виссарионовича, если что-нибудь с ним случится, присмотреть за моей мамой, которая в то время была беременна мной. А примерно в это же время в семье Сталина рождается сын Василий. Вот и вышло, что с 5 месяцев я фактически жил у Сталиных, в одной комнате с Василием. Потом до 16 лет регулярно у них бывал. И отдыхали на юге мы вместе.

Свою беседу с А. Сергеевым я начал со странного, вроде бы, вопроса – может ли сам Артем Федорович представиться как приемный сын Сталина. Он ответил, что нет, он так не представляется. На этот счет юридического документа не существует, но сохранилось постановление Политбюро, вышедшее сразу после смерти Федора Сергеева в августе 1921 года. В нем 18-м пунктом значится: «Об обеспечении семьи товарища Артема». На заседании ЦИК присутствовали Ленин, Зиновьев, Троцкий, Каменев, Дзержинский. Ответственным за выполнение постановления был назначен Сталин, который и впрямь буквально в течение многих лет выполнял решение ЦИКа, став приемным отцом сыну своего друга...

Василий (сын Сталина и Надежды Аллилуевой) и Артем Сергеев какое-то время жили в одной семье. Правда, вскользь Артем Федорович поведал мне, что несколько лет, а именно с 1923 по 1927 годы, сыновья Сталина (родной Василий и приемный Артем) жили и воспитывались в... детском доме на пятьдесят человек, который располагался в прекрасном особняке на Малой Никитской, построенном в начале XX века архитектором Ф. Шехтелем для предпринимателя, банкира и коллекционера Степана Рябушинского. Позже этот дом правительство подарило Максиму Горькому, лишь бы он вернулся с Капри в СССР. Горький вернулся и, прожив несколько лет, по довольно убедительным предположениям, в этом последнем своем пристанище и был умерщвлен.

Соучредителями и содиректорами дома были Надежда Сергеевна Аллилуева и мама Артема Федоровича Елизавета Львовна. Кстати, определение отпрысков в детский дом А. Ф. Сергеев оправдывает вечной занятостью родителей. При этом детей первого человека в стране

отправили не в какой-нибудь элитный храм воспитания, рядом с ними жили полсотни беспризорников. «Вот нас обоих в эту самую компанию», – воскликнул Артем Федорович.

* * *

В подаренной мне женой Василия Сталина Капитолиной Васильевой книге «Хроника времен Василия Сталина» есть такие фрагменты воспоминания моего собеседника на тему «Сталин и дети»:

«Когда нам исполнилось по 13 лет, мы с Василием нашли бутылку шампанского. Выпили. Домашние пожаловались Сталину. Он вызвал нас и спросил: “Голова не кружилась? О, значит ваша голова не голова. Еще рано, надо немного подождать”. Наверное, если бы он на нас накричал, мол, такие-сякие, не смейте, мы бы на следующий день еще попробовали...».

«Из современной литературы Сталин любил Зоценко. Иногда нам с Василием читал вслух. Однажды смеялся чуть не до слез, а потом сказал: “А здесь товарищ Зоценко вспомнил про ГЕПЕУ и изменил концовку!”»

«За войну Василий Сталин получил четыре ордена – его товарищи, участвовавшие в подобных операциях, награждались щедрее. А орден Красного Знамени ему дали за то, что он разогнал немецкие бомбардировщики, летевшие бомбить наш тыл. Поднялся в небо на незаряженном истребителе наперерез строю... Командующий, с земли наблюдавший эту картину, не зная, что там сын Сталина, велел наградить летчика...»

* * *

– Артем Федорович, судьба тесно соединила вас с сыном Сталина Василием, о котором вы, наверное, знаете все. О Василии Иосифовиче до сих пор гуляет много легенд, это человек и впрямь трагической, во многом неудачной судьбы. Чего стоят, например, его браки, которые, как считают, не принесли ему счастья...

– *Последняя жена Василия – известная спортсменка-пловчиха Капитолина Васильева умерла в мае этого года [интервью взято в 2006 году. – Ф. М.] С этой женщиной Василию повезло, порядочная и верная, она была ему настоящей женой. Вот рассказываю вам и прокручиваю свою жизнь, как в киноаппарате. В 1940 году, числа 10 или 12 декабря, точно не помню, звонит мне Василий и говорит: «Приходи ко мне 15-го на смотрины, я женюсь. Посидим, выпьем, как следует. Познакомись с моей невестой». Говорю Василию, что не могу, потому что 15-го уезжаю в командировку. Вернулся я в Москву 29 декабря, на какое-то время мы с Василием разминулись, я вернулся в свой полк, Василий – в свой, стоявший в Люберцах, поэтому Капитолину я увидел несколько позже.*

– И каково же было ваше впечатление?

– *Про Капитолину я вам скажу чуть позже, а вот про первых жен хочу сказать немедленно. Первая жена Василия Галя Бурдонская – простушка, веселенькая, легкая девочка, без всяких претензий. Можно сказать, что она была без изюминки, и Василию с ней было неинтересно.*

Потом он встретился и сблизился с Катей Тимошенко, дочерью знаменитого маршала. Эта особа была царственной красоты и вместе с тем холодная, как лед. Я чувствовал, что в их доме неуютно, холодно, неприветливо. Дети неухоженные, полузаброшенные, и Василий забрал их.

А теперь дорасскажу о Капитолине Георгиевне. Это была серьезная, деловая, русская женщина. Спокойная, духовно и физически сильная, она была человеком, знающим цену труду. Недаром Капитолина стала чемпионкой Советского Союза по плаванию, причем на большие дистанции. Отпущенную ей Богом жизнь она прожила в вечной заботе, постоянном труде.

Василий-то был очень импульсивным человеком, и жить с ним было нелегко. Каким же терпением и нравственной силой надо было обладать Капитолине, чтобы держать Василия в порядке. Василий чувствовал силу ее влияния и за это бесконечно жену уважал.

– Вы с ней общались в последнее время?

– Общался. К сожалению, она ослепла, дела ее были плохи. Капитолина хорошо относилась к детям Василия, а он – хорошо к ее дочери. Хочу добавить в память и о Василии, и о Капитолине, что она пыталась создать ему теплый, семейный, уютный дом.

– А как вождь относился к женам сына: к первой, второй, третьей?

– Всего не знаю. Но, насколько мне известно, к Капитолине Георгиевне он относился с большим уважением и, хотя видел ее нечасто, понимал, что всего в жизни она достигла своим трудом и упорством.

– Простите, Артем Федорович, разъясните мне, пожалуйста, кое-что... Летом 2002 года я летал в Лондон, чтобы взять интервью у Бориса Березовского. Спросил Бориса Абрамовича о роли случайности в нашей жизни. Его ответ меня поразил. Размышляя на эту тему, он вдруг заявил, что он, Березовский, родственник Сталина! Ошеломленный, я спросил: как это может быть? Он рассказал, что в детстве много времени провел на даче у бабушки в Подрезкове. По соседству жил человек по фамилии Мороз, который одно время был мужем Светланы Аллилуевой, дочери Сталина. Семьи общались, и через много лет внук Светланы и Мороза Илья и дочь Березовского Лиза поженились. Лиза родила сына, который по прямой родословной стал одновременно правнуком Сталина и внуком Березовского. Как вы это прокомментируете?

– Что тут сказать. На самом деле первым мужем Светланы был Григорий Мороз. Я слышал, что у этого Мороза были весьма неблагозвучные дела: странная демобилизация из армии, непонятный род занятий, богемный образ жизни. Но сын от этого брака Иосиф стал доктором, профессором. Я его знаю как скромного и порядочного человека. Он крупный российский кардиолог, доктор медицинских наук, работает в Медицинской академии имени Сеченова [И. Г. Аллилуев умер в Москве 2 ноября 2008 года. – Ф. М.]. Так что выходит, Березовский вас не обманул, всякое в жизни бывает. Получается, что сын Иосифа Аллилуева был женат на дочери олигарха.

– Артем Федорович, несерьезный, быть может, вопрос. Вашим ближайшим другом был человек, который любил крепко выпить. Поддавались ли вы влиянию Василия Сталина на этом фронте?

– Не буду скромничать и юлить. Как человек, прошедший войну, побывавший во всяких передрягах, я, конечно же, при случае, а случаи бывали нередко, пропускал рюмку-другую. Что сказать, нашу жизнь, к сожалению, без этого не представить. Праздники, трагедии, свадьбы, поминки... Как тут не выпить? Конечно, Василий в смысле алкоголя давил на всех своих друзей. Он был компанейским, веселым, и отказать ему в компании было трудно. Так что всякое бывало, но при любой возможности я держался, как мог.

– Когда вы последний раз виделись с Василием Сталиным?

– В конце 1953 года. Он уже был арестован и находился в военном госпитале, но пройти к нему еще разрешали. К нему приходили его товарищи, спортсмены, футболисты. Он продолжал жить своей работой, хлопотал о спорте.

А потом Владимирский централ, ссылка. Я же служил не в Москве. Видеться мы уже не могли. Один раз Светлана, его сестра, навещала брата в тюрьме. Катя Тимошенко несколько раз туда тоже приезжала.

О его смерти в 1961 году в Казани я узнал не сразу, уже позже эту страшную новость мне сообщила по телефону моя мама. Все последние годы он жил словно в клетке: восемь лет тюрьмы, потом ссылка, полное одиночество.

О Василии, моем друге и брате, написано много неправды. И сегодня его облик продолжают искажать. Пишут о его хулиганских поступках, о пьянстве... Если что-то и было из-за

его импульсивного, порой несдержанного характера, то что тут поделатъ, он был отпрыском великого, сложного человека, которому далеко не всегда удавалось общаться с сыном, направлять его по правильному пути. Это трудно понять, но образ жизни Василия был таким, что часто в доме было нечего есть. Только несколько дней после полочки: выпивка и закуска, полно друзей, а потом – шаром покати, надо было приходиться со своей буханкой хлеба...

– Вам приходилось много общаться и со Светланой Аллилуевой. Вы, наверное, согласитесь, что у нее тоже трагическая судьба?

– Конечно, гибель матери, отношения с отцом, замужество и другие обстоятельства делают драматическими ее жизнь и судьбу. Об этом можно много говорить, но я хочу отослать вас к последнему письму Василия Сталина Молотову. Написано оно из тюремной камеры. Василий просит Вячеслава Михайловича задать арестованному Берии несколько вопросов, на которые он непременно должен ответить. Эти вопросы должны касаться судьбы Сталина и всей его семьи, без ответов на них многое останется неясным, непонятным. Василий пишет, что отцу многое было неясно, что, быть может, лучше всех отца знал только Киров, что трагедия семьи начинается с 1930 года. О каких событиях Молотов должен был узнать у Берии, неизвестно, но мне кажется, что многое давно уже кануло в вечность.

Да, сталинская семья, судьбы тех, кто был в родстве со Сталиным, оставили много загадок.

– В том числе и судьба вашего отца, Федора Сергеева, погибшего в самом расцвете сил. Но вот удивительно, его партийное имя – Артем многим и сегодня известно. А ведь после его гибели прошло 85 лет. Почему же он так популярен, как вы считаете?

– Мне приятно отметить, что вы правы: для Донбасса это имя культовое и сегодня. Знаменитый город Артемовск назван в его честь, и никакие попытки переименовать его обратно в Бахму не дали результата. На Дальнем Востоке есть тоже городок Артем. Именем отца названы улицы, монумент Сергееву возвышается даже над Святогорской лаврой. Товарищ Артем был любимым в народе большевиком, которому рабочие безоговорочно верили. Ленин прочил его в председатели Совнаркома.

В целом биография отца насыщена удивительными, прямо-таки фантастическими событиями: тюрьмы, эмиграция во Францию, знакомство с Лениным, жизнь в Австралии...

Будучи студентом МВТУ в Харькове, он знакомится с лидером партии кадетов Милюковым, великим нашим ученым Мечниковым, которые были восхищены взглядами, позицией Сергеева на самые важные проблемы тогдашнего бытия. Мечников прямо ему сказал: «Я живу и работаю в Париже, в институте Пастера, знайте, что двери моего дома всегда открыты для вас».

Неожиданный эпизод произошел исторически недавно, на XXIII съезде КПСС. На трибуне выступал Генеральный секретарь австралийской компартии, который заявил, что марксизм в Австралию привез русский, и у вас его звали Артем, а у нас Биг Том.

Отец был очень образованным человеком, знал несколько языков. Его смерть для матери стала непоправимым ударом, ей было только 25 лет, но замуж она больше не выходила.

– Я читал, что ваш отец знал чуть ли не всю партийно-культурно-военную элиту послеоктябрьской России. Его все уважали, с его мнением считались.

– Отец был секретарем Московского комитета партии и, конечно же, общался с сотнями людей. Он хорошо знал Василия Ивановича Чапаева, Котовского. Кстати, Котовский пришел к отцу с жалобой: «Почему “они” меня ненавидят и называют “бандитом?”» «Они» – это Михаил Тухачевский, Владимир Антонов-Овсеенко и Юрий Коцюбинский.

Общался с отцом и певец Вертинский. Но тут разговор особый. Вертинский, как я понял, чуть повзрослев, был не совсем тем, которого мы знаем. У него было два лица, одно для того, с кем он говорил, а другое – для всех остальных. Так считал сам отец. Эстет Вертинский

интересовался... рабочим движением, полицейским сыском... Расспрашивал отца о том, о сем: где он бывал, с кем общался, проникался партийными делами...

Отец оставил о Вертинском интересные воспоминания. Но куда они запропастились, неизвестно. В доме было столько переворотов, катавасий, что не дай Бог. Записки же написаны рукой отца. Одна такая: «Артист Вертинский не нашего толка, но наш. Кормить». Эту записку я подарил жене Александра Николаевича. Отец говорил матери, что Вертинский только снаружи аристократ, а внутри он наш – демократ.

Сохранилась и вторая записка: «Артист Вертинский. Руководитель рабочей самодеятельности. Голоден и бос». Каменеву, председателю Моссовета (указан телефон), Реввоенсовету (указан телефон) были даны указания помочь артисту.

Сталин также был высокого мнения о Вертинском. Я сам слышал у Сталина дома разговоры об артисте. Нам всем: Василию, Светлане, он, конечно, нравился. Это было еще задолго до войны. Когда все слушали пластинки Леценко, ходили на его концерты. А Сталин сказал, что такие, как Леценко, есть, то есть их немало, но Вертинский один. Когда Сталину говорили, что он поет для буржуев, и это, дескать, нам не нужно, Сталин парировал, что кроме пролетариев и буржуазии есть и другие слои, другие слушатели, ценители искусства.

– А Троцкого помните?

– Конечно. Точно помню, мне было шесть лет, когда обратил на него внимание. И сразу же отрицательное впечатление – всегда злой, глаза пронзающие, холодные. Первое впечатление от встречи с ним – что это недобрый человек. Моя мать работала одно время директором туберкулезного санатория в Нальчике. Когда Троцкого и его последышей выметали, они приехали туда отдыхать. Целым эшелоном приехали, на автомобилях. Каждый день на охоту ездили. Люди говорили: «Троцкисты понаехали, пусть едут дальше...»

Отец и Троцкий были врагами. Окружение отца всегда остерегалось, чтобы они не подрались при встрече, потому что отец владел приемами борьбы, и он бы этого Иудушку уложил. Ведь отец выступал даже в японском цирке. Друзья его вспоминали, что он никогда просто так не махал руками, но делал точный удар, тычок в соответствующее место и разил противника. Так вот все вокруг и боялись, что товарищ Артем уложит Троцкого насмерть.

– Берия остался в памяти?

– Еще бы! Впечатление темное. Когда в дом к Сталину приходил большевик Лакоба, в доме становилось теплее и светлее. Когда же приходил Берия, он давил собой.

Но Берия – это колоссальная фигура, ничего не скажешь. Вся атомная энергия была на нем. Не зря Курчатов советовал, даже настаивал, чтобы вместо Молотова во главе атомного проекта поставили Берия. Кстати, вы, возможно, не знаете, что его сын Серго Лаврентьевич был очень талантливым конструктором. Он работал в Москве и Киеве, а когда ушел из проектов, это стало большой потерей для науки. Умер Серго недавно, ему было чуть за семьдесят.

– Артем Федорович, вопрос в лоб: как вы относитесь к репрессиям в стране, к страшному 1937 году? По-вашему, это правда или, может быть, преувеличение? Например, мой дед, врач по профессии и интернационалист по взглядам, член Коминтерна, сидел в Бутырке. Но, слава Богу, выжил.

– Репрессии я не отрицаю. Они были. Другое дело – почему они происходили, откуда возникло это явление. Я считаю, что они явились результатом колоссальной классовой борьбы, с одной стороны, и ошибочных воззрений на так называемую мировую революцию старых большевиков, марксистов и коминтерновцев, к которым, видимо, ваш дед и принадлежал – с другой стороны. Они считали, что главное – начать, а там, дескать, нас поддержит мировой пролетариат. Старая гвардия проповедовала уничтожение всего старого мира. А строить новый мир – помните, «мы наш, мы новый мир построим» – она не была идеологически подготовлена. Она уповала на Запад, на то, что вот-вот советскую власть поддержит весь мир.

Но Сталин быстро понял, что мировая революция нас не поддержит. Революционные движения в Венгрии, Германии и других странах были подавлены. Сталин понимал, что Европа еще не готова к каким-либо изменениям, она еще не созрела для них.

Я помню разговор между Василием Сталиным и отцом на эту тему. Василий был за то, чтобы начать обновление мира в других странах нашими руками, нашими лозунгами, нашим оружием. «Мы пойдем туда, для нас не будет границ», – пафосно провозглашал он. А Сталин ему отвечал: «А тебя туда зовут? Сначала надо сделать так, чтобы у нас в Советском Союзе все было хорошо, чтобы народу нравилась жизнь при новом строе. И когда наша жизнь, наши достижения, наша мораль будут приняты другими, понравятся им, тогда они, возможно, попросят нас изменить и их жизнь».

– Вы, конечно, член КПСС?

– Да, я вступил в партию безо всяких колебаний в 1940 году.

– Как вы относитесь к нынешнему руководителю КПрФ Зюганову?

– У меня о нем самое высокое мнение. Зюганов – фигура. Ведь у него тяжелейшие условия для работы, все против него и его действий. Но он и его партия держат удар, они в рейтинге партий – вторые. Зато самая отвратная, но и самая серьезная, умная, хотя и зловещая фигура – это Жириновский. Он и дальше будет отнимать голоса у коммунистов.

– Как вы стали генералом Советской армии?

– До того, как стать генералом, я семь лет занимал должность со штатной категорией генерал. То есть командир бригады. Была война, и я должен вам прямо сказать, что да, я рос на крови, на костях кого-то убитого, пропавшего без вести, взятого в плен. Гибнет командир дивизиона, и я, командир батареи, оказываюсь самым опытным из живых артиллеристов и наиболее подходящим комдивом. Я получил несколько ранений. Когда человек приходит из госпиталя в часть, к нему совсем другое отношение. Ведь он многое повидал, многое испытал. Так вот после очередного ранения и возвращения в строй меня назначают начальником штаба полка. Погибает заместитель командира полка, и я становлюсь на его место. Увозят в госпиталь едва живого командира полка, и я – командир полка.

Я рассказываю вам только то, что было со мной. Командиром полка я стал в 1943 году, 20 мая. Хотя в звании я был майором при полковничьей должности. Комдивом я стал в звании лейтенанта. Почему? Не осталось стреляющих офицеров. В артиллерии, как и в авиации, можно носить любые погоны, но либо ты пилот, либо не пилот.

Все время моего общения с приемным сыном Сталина Артемом Федоровичем Сергеевым, а говорили мы, наверное, полдня, я косился на стопку каких-то истертых блокнотов, лежавших на краю стола. Не выдержал, спросил: «Что это за тетради, уж не мемуары ли?» Сергеев ответил, что много лет записывал по памяти о событиях, какие случались с ним, о людях, с которыми пришлось встречаться, и, конечно же, об Иосифе Виссарионовиче Сталине – таком, каким его видел, знал и помнит сегодня. Я попросил привести какой-нибудь фрагмент из этих воспоминаний. Он согласился, и я подумал, что это будет вновь рассказ о Сталине, но Артем Федорович вспомнил войну...

– Мы ведем бой с немецким танком. Зажгли его. Как комбат, я полез посмотреть в кабину, что там и как. В эту минуту меня настигает пуля... Подстрелили. Вылезаю – и ползком по снегу с солдатом-радистом к нашему блиндажу. Знаете, что представлял собой этот блиндаж? Он был собран из... трупов наших и немецких солдат... Для тепла, для сохранности жизни. Замерзший труп пуля не пробивает. Этот ужас застыл во мне на всю жизнь. Такой была первая военная зима.

– А лучшее время жизни?

– Оно тоже связано с армией, с... войной – когда я был командиром полка, когда я чувствовал, что честно выполняю свой долг, как говорится, действую до отказа. Ведь сколько

бы медальных дырок мне ни насверлили за войну, в мои ноги только в одном бою семь пуль загноили. А руку мне Бакулев оживил, в нее попала разрывная пуля.

Вроде бы странно – лучшее время жизни связано с адом? Но ведь я был тогда молодым и верил, что со Сталиным мы одолеем любого врага.

– Ваша жизнь сегодня – это, наверное, и посещение могил близких людей, тех, с кем вы оказывались в тяжелейших обстоятельствах?

– В день рождения отца и в день его смерти прихожу на могилу возле Кремлевской стены. И, конечно же, к захоронению Сталина приношу цветы. Недавно посетил могилу Надежды Сергеевны Аллилуевой на Новодевичьем кладбище.

2006

Глава 2. Последний кремлевский нарком Николай Байбаков: «Я кашлянул, и Сталин обернулся»

Знаменитый «брежневский» дом на улице Щусева (ныне – Гранатный переулок). Хозяином квартиры на шестом этаже, в которой когда-то обитала дочь генсека Леонида Ильича, стал последний Председатель Верховного Совета Российской Федерации и активный участник противостояния властей в октябре 1993 года Руслан Хасбулатов, а двумя этажами выше проживал до своей смерти 31 августа 2008 года Николай Константинович Байбаков, последний сталинский нарком. Целых 22 года он возглавлял экономический штаб Советского Союза – Госплан. Оформив заслуженную пенсию в 1985 году, в течение долгих лет он продолжал приходить на работу в свой кабинет, расположенный в Институте проблем нефти и газа на улице Губкина. Байбаков консультировал Горбачева и Ельцина, встречался с Путиным. Его познания в области экономики, и особенно проблем нефти и газа, были колоссальны. Он – свидетель многих событий, происходивших в годы существования СССР. При этом человеке страна зарождалась, он пережил и ее конец.

В дом к Байбакову я попал по рекомендации знаменитой целительницы Джуны. По легенде, Николай Константинович рекомендовал ее Брежневу, и, говорят, она помогала Леониду Ильичу в конце жизни, что называется, держаться на ногах.

Когда в 2005 году я шел на улицу Щусева, думал, что нелегко будет общаться с человеком столь преклонного возраста (в то время ему было 94 года, скончался он три года спустя). Но я ошибался. Николай Константинович прекрасно мыслил, все помнил, охотно говорил о прошлом. Ему нисколько не помешала пара рюмок водки во время рассказов о великих личностях, с которыми его сводила судьба.

Благодарю внучку Николая Константиновича Машу и ее мужа Геннадия Филипповича, которые также участвовали в беседе и без помощи которых мое журналистское любопытство не было бы удовлетворено полностью.

Байбаков с легкостью вспоминает все в деталях. Иногда кажется, что описываемые Николаем Константиновичем события были не так давно. А ведь со времен правления Сталина прошло более полувека.

– В подробностях помню все свои встречи со Сталиным, – рассказывает мой собеседник. – Вот одна из них. Меня вызвали в Кремль. Поскребышев, помощник генералиссимуса, в приемной дал совет: «Немного подождите, Иосиф Виссарионович сейчас ищет на полках нужную ему книгу. Когда я скажу, войдете в кабинет и, если он не оглянется, тихонько кашляните». Так я и сделал. Тихо прошагал в кабинет, уставленный книжными полками. Остановился, смотрю – стоит Сталин, спиной ко мне. Ну, думаю, подожду, кашлянуть всегда успею. Посмотрел, как он выглядит: одет в серый френч и мягкие сапожки. «Очень скромно для первого человека в государстве», – подумал я.

Представьте себе, я рассматриваю его, а он стоит на стремянке, что-то читает. Я кашлянул в кулак. Сталин неторопливо оглянулся и поставил книгу на место.

– А-а, Байбаков, молодой человек! – дружески протянул Сталин. И уже официально:

– Садитесь, товарищ Байбаков, пожалуйста.

Спустился со стремянки, пожал мне руку и, раскуривая трубку, начал ходить по кабинету.

– Товарищ Байбаков, мы назначили вас наркомом нефтяной промышленности. Вы знаете, что нефть – это душа военной техники?

– Товарищ Сталин, – ответил я, – это душа не только военной техники, но и всей экономики.

– Тем более, скажите, что нужно, – доверительным тоном, как бы подбадривая меня, продолжал Сталин, – для развития отрасли?

– Надо «второе Баку» осваивать, там мы открыли два крупнейших месторождения – ударили фонтаны. Это очень перспективные месторождения.

Сталин внимательно меня выслушал, прошел раз-другой вдоль стола и настойчиво повторил:

– А что нужно?

– Капиталовложения, товарищ Сталин, оборудование. А еще – знающие строители.

И я решился изложить все свои наиболее принципиальные соображения о путях развития нефтяной промышленности. Сталин слушал сосредоточенно.

– Хорошо, – наконец сказал он, – изложите все эти конкретные требования в письменной форме, я скажу Берии.

Он тут же поднял трубку телефона и позвонил Берии, который как первый заместитель Председателя Совнаркома курировал топливные отрасли.

– Лаврентий, вот здесь товарищ Байбаков, все, что он просит, ты дай ему.

Мои встречи со Сталиным были регулярными. Я даже побывал на очередном дне рождения Верховного на его даче. Там были все члены Политбюро, некоторые наркомы. Все проходило дружески, просто. Сталин особенно себя как виновника торжества не выпячивал. Говорили больше другие. Не помню, чтобы он на кого-то кричал, повышал голос. Ни в Кремле, ни на его даче я не видел пьяных людей. Пили, когда был хороший повод. Но гулянок, простите, бардака не было.

И вот под неусыпным оком Лаврентия Берии мне пришлось работать долгие годы. Он часто вызывал меня в Кремль или на Лубянку. Звонил всегда внезапно, редко здоровался и начинал разговор по обыкновению отрывистым вопросом: «Как дела, Байбаков?» Слово «товарищ» не употреблял. Произнося мою фамилию, ставил по-грузински, как и Сталин, ударение на втором слоге. Слушал внимательно, не перебивая, хотя потом вопросы задавал резко, порой крикливо и даже грубо, прибегая и к крепким выражениям, – это было в его стиле общения с подчиненными.

Характерен случай, памятный мне еще с довоенных лет. Заболев ангиной, с температурой под сорок я лежал дома. Вдруг звонок по «вертушке». Трубку взяла жена Клавдия Андреевна. Там кто-то отрывисто сквозь зубы назвался, но супруга не расслышала и сказала: «Кто это? Повторите». – «Дура, Берия говорит!» – раздался в трубке разъяренный голос. – Мне нужен Байбаков. Пусть подойдет». – «Он болен, простудился, лежит с высокой температурой», – замялась Клавдия Андреевна. Берия в том же резком, раздраженном тоне прорычал: «Каждый дурак может простудиться, нужно галоши носить» (из всех членов Политбюро в то время, насколько помню, в галошах ходили Берия и Суслов). Когда я с трудом поднялся и взял трубку, Лаврентий Павлович, не справляясь о моем здоровье, категорично приказал вылететь вместе с наркомом внутренних дел Кругловым в Уфу, где на нефтеперерабатывающем заводе произошла серьезная авария. И уже через несколько часов, так и не сбив высокую температуру, я очутился в Уфе.

Конечно же, было до слез обидно за жену. Ну ладно, со мной можно так поступать, я – мужчина. Но зачем оскорблять женщину, ее-то в чем вина? «Вот знал бы об этом товарищ Сталин», – думал я.

Поскольку я занимался нефтью, мне пришлось всю войну думать о том, чтобы ее запасы для армии были всегда наготове. Наше командование знало, что за несколько дней до начала войны Геринг утвердил документ с кодовым названием «Зеленая папка» – директиву принятия всех мер к немедленному использованию природных богатств оккупированных областей, и в первую очередь нефти, в интересах Германии.

В один из жарких июльских дней меня вызвал в Кремль Сталин. Пожал руку, спокойно взглянул мне в глаза и негромко заговорил: «Товарищ Байбаков, Гитлер рвется на Кавказ. Он объявил, что если захватит нефть Кавказа, то выиграет войну. Нужно сделать все, чтобы ни одна капля нефти не досталась врагу».

И жестко добавил:

– Имейте в виду, если вы оставите немцам хоть одну тонну нефти, мы вас расстреляем...

До сих пор помню его голос, глуховатый тембр, твердый кавказский акцент.

Снова прошелся вдоль стола и добавил:

– Но если вы уничтожите промыслы преждевременно, и мы останемся без горючего, мы вас тоже расстреляем.

Я молчал, потом, набравшись духу, сказал:

– Но вы мне не оставляете выбора, товарищ Сталин.

Он остановился возле меня, медленно поднял руку и слегка постучал по виску:

– Здесь выбор, товарищ Байбаков. Летите. И с Буденным думайте, решайте на месте.

Я понимал, что речь шла о слишком высокой цене возможной ошибки. Военное время сурово, решалась судьба страны, народа. И нефть должна была работать на нашу победу. Так я рассуждал, выйдя из кабинета человека в сапогах, с то и дело гаснувшей трубкой в руке...

2005

Глава 3. Жена Н. И. Бухарина Анна Бухарина-Ларина: «В шапке Сталина меня вели на расстрел...»

Осенью 1987 года Евгений Евтушенко рассказал мне о нелегкой судьбе художника Юрия Ларина.

– *Между прочим, сын Бухарина*, – добавил он многозначительно. – *Его мать, Анна Михайловна, – вдова Николая Ивановича Бухарина.*

– Разве она жива?

– *Жива...*

* * *

...Летом восемнадцатого года Н. И. Бухарин находился в Берлине. Его командировали для подготовки документов, связанных с мирным Брестским договором. Однажды он услышал об удивительной гадалке, предсказывающей судьбу, и любопытства ради решил посетить обитавшую на окраине города предсказательницу. То, что наворожила ему хиромантка, было поразительно:

– Вы будете казнены в своей стране.

Бухарин оторопел, ему показалось, что он ослышался, переспросил:

– Вы считаете, что Советская власть погибнет?

– При какой власти погибнете – сказать не могу, но обязательно в России...

* * *

А. М. Ларина росла в семье профессиональных революционеров, после Октября ставших «у руля» государства. Поэтому вся ее жизнь проходила в сложной общественной атмосфере той поры: политические дискуссии, споры, распри и, наконец, террор. Имя отца Анны Михайловны сегодня забыто, хотя похоронен он у Кремлевской стены.

Анна Михайловна помнит себя очень рано. На четвертом году жизни она стала настойчиво интересоваться, где ее родители, – она видела их крайне редко. Ей запомнился ворчливый ответ деда: «Твои родители – социал-демократы, они предпочитают сидеть по тюрьмам, бегать от ареста за границу, а не находиться возле тебя и варить тебе кашу». Девочка не поняла, что такое социал-демократы, но тюрьма была недалеко от дома, и дед говорил ей, что там сидят воры и бандиты. Подавленная, Аня больше не решалась спрашивать о родителях, которых увидела после Февральской революции, когда они вернулись из эмиграции.

* * *

Из воспоминаний Анны Михайловны о Бухарине.

«...Момент знакомства с Бухариным мне хорошо запомнился. В тот день мать повела меня в Художественный театр смотреть “Синюю птицу” Метерлинка. Весь день я находилась под впечатлением от увиденного, а когда легла спать, сновидение повторяло спектакль. И вдруг кто-то дернул меня за нос. Я испугалась, ведь Кот на сцене был большой, в человеческий рост, и крикнула: “Уходи, Кот!” Сквозь сон услышала слова матери: “Николай Иванович, что вы делаете, зачем вы будите ребенка!” Но я уже проснулась, и передо мной все отчетливее стало вырисовываться лицо Николая Ивановича. В тот момент я и поймала свою “синюю

птицу», символизирующую стремление к счастью и радости, не сказочно-фантастическую, а земную, за которую заплатила высокую цену».

«...Из всех многочисленных друзей отца моим любимцем был Бухарин. В детстве меня привлекали в нем неумная жизнелюбивость, озорство, страстная любовь к природе и знание ее (он был неплохим ботаником, великолепным орнитологом), а также его увлечение живописью».

«...Я не воспринимала его в то время взрослым человеком. Это может показаться смешным и нелепым, тем не менее, это так... Если всех близких товарищей отца я называла по имени и отчеству и обращалась к ним на “вы”, то Николай Иванович такой чести удостоен не был. Я называла его Николаша и обращалась только на “ты”, чем смешила и его самого, и своих родителей, тщетно пытавшихся исправить мое фамиллярное отношение к Бухарину, пока они к этому ни привыкли».

«...Одна из первых встреч с Николаем Ивановичем связана с воспоминанием о Ленине. Однажды в кабинет отца, где, как обычно, было полно народу, пришел Ленин. Для меня в ту пору он был равным среди равных. Помню его смутно. Но один забавный эпизод запал в память на всю жизнь. Когда я вошла в кабинет отца, только-только ушел Бухарин. Речь, по-видимому, шла о нем, я не могла понять всего, что говорилось Лениным, но запомнила одну фразу: “Бухарин – золотое дитя революции”. Это высказывание Ленина о Бухарине стало потом хорошо известно в партийных кругах и воспринималось как образное выражение. Я же пришла от сказанного в полное замешательство, так как все поняла буквально и заявила Ленину протест. “Неправда, – сказала я, – Бухарин не из золота сделан, он же живой!” – “Конечно, живой, – ответил Ленин, – я так выразился потому, что он рыжий”».

«...21 января 1924 года поздним вечером из Горок позвонил Николай Иванович и сообщил, что жизнь Ленина оборвалась. Я еще не спала и видела, как две слезы, только две, катились из скорбных глаз отца по его мертвенно-бледным щекам. День похорон – 27 января – совпал с моим днем рождения. Отец сказал: теперь твой день рождения 27 января отменяется, этот день – день траура навечно. Твой день рождения мы будем отмечать 27 мая, когда пробуждается природа и все цветет.

Самое примечательное заключается в том, что отец поехал со мной в загс на Петровку, чтобы заменить метрическое свидетельство. Изумленный его просьбой сотрудник загса долго упирался, советуя день рождения отмечать 27 мая, но документы не менять. Наконец сдался. И я была зарегистрирована вторично спустя десять лет после моего рождения. По этому метрическому свидетельству мне выдали паспорт, в котором и по сей день 27 мая значится датой моего рождения».

«...Когда Николай Иванович уходил от нас, я очень огорчилась и все чаще сама забегала к нему. Много раз я заставляла Сталина у Николая Ивановича. Однажды, это было году в двадцать пятом, я написала стихотворное послание, которое заканчивалось словами: “Видеть я тебя хочу. Без тебя всегда грущу”. Показала стихи отцу, он сказал: “Прекрасно! Раз написала, пойди и отнеси их своему Николаше”. Но пойти к нему с такими стихами я постеснялась. Отец предложил отнести стихи в конверте, на котором написал “От Ларина”. Я приняла решение: пойти, позвонить в дверь, отдать конверт и тотчас же убежать. Но получилось не так. Только я спустилась по лестнице с третьего этажа на второй, как неожиданно встретила Сталина. Для меня было ясно, что он идет к Бухарину. Недолго думая, я попросила его передать письмо, и Сталин согласился. Так, через Сталина (какая же зловещая ирония судьбы), я передала Бухарину свое первое детское объяснение в любви».

«...1927 год был для меня очень печальным. По настоянию Сталина Бухарин переехал в Кремль. Пройти туда без пропуска было нельзя. Хотя впоследствии Николай Иванович оформил для меня постоянный пропуск, застать его в ту пору дома было почти невозможно. Я специально изменила свой маршрут в школу, шла более длинным путем, лишь бы пройти мимо

здания Коминтерна – оно находилось против Манежа, возле Троицких ворот, – в надежде встретить Николая Ивановича. Не раз мне везло, и я, радостная, устремлялась к нему».

«...Случалось так, что Николай Иванович приезжал к нам на дачу в Серебряный Бор. Мать немного посмеивалась над нашим увлечением, не принимая его всерьез: отец молчал и в наши отношения не вмешивался.

Осенью и зимой 1930-го и в начале 1931 года свободное время мы старались проводить вместе. Бывали в театрах, на художественных выставках. Я любила часы общения с ним в его кремлевском кабинете. Николай Иванович любил читать вслух...»

На мои расспросы о том, каким Бухарин был в быту, в домашней обстановке, Анна Михайловна рассказала такой случай.

– Однажды Сталин, обсуждая поездку в Париж, заметил Николаю Ивановичу: «Костюм у тебя, Николай, поношенный, так ехать неудобно, надо быть одетым...»

В тот же день раздался телефонный звонок портного из Наркоминдела, который просил как можно скорее снять с клиента мерку для пошива. Николай Иванович попросил сшить костюм без мерки и пытался объяснить портному, как сильно занят. «Как это – без мерки, – удивился портной, – поверьте моему опыту, товарищ Бухарин, еще ни один портной без мерки костюм не шил». – «Сшейте по старому костюму», – предложил Николай Иванович. Но он забыл, что такой выход из положения был невозможен, прежде всего, потому, что единственный старый костюм был на нем. Отдав костюм портному, главный редактор газеты мог явиться на работу только в нижнем белье. Минуту для посещения портняжской Бухарин нашел. Новый костюм емушили, он съездил в нем в Париж, в нем же впоследствии был арестован.

Через два месяца после ареста мужа Анна Михайловна с сыном, отцом Николая Ивановича, его первой прикованной к постели женой Надеждой Михайловной (его настоящей подругой, также позднее репрессированной за то, что она написала письмо Сталину о нежелании быть членом партии в то время, когда Бухарину предъявляют чудовищные необоснованные обвинения, и отослала ему лично свой партийный билет) были переселены из Кремля в Дом правительства у Каменного моста (Дом на набережной), к тому времени уже наполовину опустошенный. Прислали счет за квартиру. Платить было нечем, и, поскольку дом находился в ведении ЦИКа, Анна Михайловна написала М. И. Калинину маленькую записочку: «Михаил Иванович! Фашистская разведка не обеспечила материально своего наймита Николая Ивановича Бухарина – платить за квартиру не имею возможности, посылаю Вам неоплаченный счет».

...По моей просьбе Анна Михайловна рассказала о последних месяцах и днях ее жизни с Н. И. Бухариным, когда Сталин во всей полноте показал деспотическую сущность своего характера. События развивались следующим образом.

Со слов Анны Михайловны, последние месяцы жизни Бухарина до ареста – это время, когда подготовка его физического уничтожения стала явной, и отсчет тем дням начался с процесса Зиновьева и Каменева, то есть с августа 1936 года. Но Николай Иванович жил обычной для него жизнью: работал в редакции «Известий», в Академии наук СССР, над новой, так называемой Сталинской, Конституцией.

Родился сын, и сорокасемилетний отец пребывал в радостном возбуждении – он был счастлив. Через месяц после рождения семья уехала на Сходню, где находились дачи «Известий». В начале августа Николай Иванович получил отпуск и отправился на Памир осуществить свою давнюю мечту – поохотиться в горах. Сопровождал его в поездке секретарь Семен Ляндрес (кстати, отец писателя Юлиана Семенова).

На Памире Бухарин забрался в такие дебри, где не было ни почтовой, ни телеграфной связи. 19 августа в газетах появились сообщения о начале процесса так называемого троцкистского объединенного центра, о том, что многие его участники дали показания против Бухарина. Вскоре появилось заявление Прокуратуры о начале следствия по делу упомянутых на

процессе лиц, в том числе и Николая Ивановича. На собраниях выносились гневные резолюции: «Посадить на скамью подсудимых...» Опубликовали извещение о самоубийстве Томского.

От Бухарина вестей не было, но вот, наконец, он прилетает самолетом из Ташкента, случайно узнав о нависшей над ним смертельной опасности. Волновался, что арест произойдет прямо в аэропорту. Увидев жену, воскликнул: «Если бы я мог предвидеть подобное, убежал бы от тебя на пушечный выстрел». – «Куда поедем?» – спросил подавленный шофер. Бухарин лихорадочно соображал, откуда ему позвонить Сталину. «Будь что будет!» – решил он и поехал на квартиру в Кремль. Дежурный охраны, как ни в чем не бывало, отдал честь члену ЦИКа.

Лихорадочный звонок, уже из своего кабинета, Сталину. Незнакомый голос ответил: «Иосиф Виссарионович в Сочи». «В такое время в Сочи?» – удивился Бухарин.

Сидел целыми днями в своем рабочем кабинете, ожидая звонка.

В начале сентября пригласили в ЦК для разговора с Кагановичем. «Почему с Кагановичем?» – недоумевал Бухарин. Вновь решил позвонить Сталину, последовал тот же ответ: «Иосиф Виссарионович в Сочи». Вернувшись из ЦК, рассказал невообразимое: ему устроили очную ставку с Сокольниковым, другом его юности, и тот показывал против него. 10 сентября 1936 года в газетах появилось сообщение Прокуратуры СССР, в котором говорилось о прекращении следствия по делу Бухарина и Рыкова, – тактический шаг Сталина, дабы показать «объективность» следствия.

Николай Иванович пытался не бездействовать: читал, делал выписки из немецких книг, работал над большой статьей об идеологии фашизма. К концу ноября нервное напряжение стало столь велико, что работать больше он не мог. Метался по квартире, как загнанный зверь. Заглядывал в «Известия» – не подписывают ли газету фамилией другого редактора. Но подпись была та же: «Ответственный редактор Н. Бухарин». Он недоуменно пожимал плечами. В первых числах декабря по телефону оповестили о созыве Пленума ЦК. О повестке дня сказано ничего не было. Придя с Пленума домой, Бухарин закричал: «Познакомься! Твой покорный слуга – предатель, террорист-заговорщик!»

Новый нарком НКВД Ежов со страшной силой обрушился на Бухарина, обвиняя его в организации заговора и в причастности к убийству Кирова. «Молчать! – закричал Бухарин прямо в зале, когда услышал столь чудовищное и абсурдное обвинение: нервы его не выдержали. – Молчать!» Все обернулись, но никто не произнес ни слова. Сталин сказал, что не надо, дескать, торопиться с решением, а следствие – продолжить. Бухарин подошел к Сталину и сказал, что надо бы проверить работу НКВД, разве можно верить клеветническим показаниям. Сталин ответил, что прошлые заслуги Бухарина никто не отнимает, затем отошел в сторону, не желая продолжать разговор...

Три последующих мучительных месяца Николай Иванович провел главным образом в небольшой комнатке своей квартиры, в бывшей спальне Сталина (по его просьбе, Бухарин поменялся квартирой со Сталиным после того, как трагически погибла Надежда Аллилуева). Анна Михайловна почти постоянно находилась возле мужа, за исключением тех минут, когда выходила к ребенку. Однажды она увидела пистолет в руке Николая Ивановича, закричала. «Не волнуйся, я не смог, – сказал Николай Иванович. – Как подумал, что ты увидишь меня бездыханного...» Он встал, снял с полки том Верхарна, прочел: «То кровь от смертных мук распятых вечеров пурпурностью зари с небес сочится дальних... Сочится в топь болот кровь вечеров печальных, кровь тихих вечеров, и в глади вод зеркальных везде алеет кровь распятых вечеров...»

Заточенный в квартире, Бухарин похудел, постарел, рыжая борода поседела. Снова бесполезное объяснение со Сталиным. Все шло к развязке давно уже продуманного приговора, хотя в мгновения относительного просветления Николай Иванович надеялся на жизнь. «А что, если вышлют к чертям на рога, – поедешь со мной, Анюта?»

Снова звонок в дверь: извещение о созыве Пленума ЦК ВКП(б). Это уже «февральско-мартовского». Повестка дня: вопрос о Бухарине и Рыкове. Бухарин решает не идти на Пленум и объявляет голодовку. Письмо в Политбюро: «В протест против неслыханных обвинений объявляю смертельную голодовку...» Звонок в дверь, трое мужчин, приказ о выселении из Кремля. Звонок от Сталина. «Что у тебя, Николай?» – «Вот пришли из Кремля выселять...» – «А ты пошли их к чертовой матери». Пришедшие слышат разговор и разбегаются к «чертовой матери».

16 февраля Бухарин простился с отцом, первой своей женой Надеждой Михайловной, ребенком и начал голодовку. Побледнел, осунулся, синяки под глазами. Попросил глоток воды. Анна Михайловна выжимает апельсин, всего каплю. стакан летит в угол: «Ты вынуждаешь меня обманывать Пленум, я партию обманывать не стану».

Из-за похорон Орджоникидзе Пленум откладывается. Потом новая повестка дня с вопросом об антипартийном поведении Н. Бухарина в связи с объявленной голодовкой. Бухарин принимает решение: на Пленум идти, голодовку не прекращать. Лишь двое решаются пожать ему руку – Уборевич и Акулов, секретарь ЦИКа.

Сталин: «Кому ты голодовку объявил, Николай, ЦК партии? Проси прощения у Пленума...» – «Зачем это надо, если вы собираетесь меня исключить из партии?» – «Никто тебя из партии исключать не будет». Бухарин в очередной раз поверил Кобе и попросил прощения у Пленума ЦК.

– *Наступил роковой день 27 февраля 1937 года, – вспоминает Анна Михайловна. – Вечером позвонил секретарь Сталина Поскребышев и сообщил, что Бухарину надо явиться на Пленум.*

Непередаваем трагический момент страшного расставания, не описать душевную боль, что и по сей день живет в душе. Николай Иванович упал передо мной на колени и со слезами на глазах просил прощения за мою загубленную жизнь. Просил воспитать сына большевиком. «Обязательно большевиком», – повторил он. Просил бороться за его оправдание и не забыть ни единой строки письма-завещания.

– *Ситуация изменится, обязательно изменится, – твердил он, – ты молода, ты доживешь. Клянись, что ты сумеешь сохранить в памяти мое письмо!*

Я поклялась. Он поднялся с пола, обнял, поцеловал меня и произнес дрожащим голосом:

– *Смотри, не обозлишь, Анютка, в истории бывают досадные опечатки, но правда восторжествует!*

От волнения меня охватил внутренний озноб, и я почувствовала, что губы мои дрожат. Мы понимали, что расстаемся навсегда. Николай Иванович надел кожаную куртку, шапку-ушанку и направился к двери.

– *Смотри не налги на себя, Николай! – только это смогла я сказать ему на прощание.*

Письмо «Будущему поколению руководителей партии» было написано Бухариным за несколько дней до ареста. Надежду на оправдание он окончательно потерял и принял решение заявить будущим потомкам о своей непричастности к преступлениям и просить о посмертном восстановлении в партии. В то время мне было 23 года, и Николай Иванович был убежден, что я доживу до такого времени, когда смогу передать письмо в ЦК. Будучи уверен, что письмо его будет отобрано при обыске, и опасаясь, что в случае его обнаружения я буду подвергнута репрессиям, Николай Иванович просил выучить письмо наизусть. Много раз он читал мне свое письмо, много раз вслед за ним я повторяла написанные им строки. Наконец, убедившись, что содержание письма я запомнила твердо и окончательно, он уничтожил рукописный текст.

После ареста Николая Ивановича я сделала фотографию сына в надежде передать ее в тюрьму. «Мой ребенок», – чуя недоброе, ответила я на вопрос надзирателя. «Ах ты, сука, – заорал он, – щенка бухаринского с собой таскаешь». На моих глазах он разорвал фотографию, плюнул на нее и затоптал грязными сапогами.

– Вы заговорили о сыне... Расскажите о Юрии Николаевиче.

– *Расставшись с сыном, когда ему был год, я увидела его через много лет – двадцатилетним юношей, летом 1956 года, когда он приехал ко мне в Сибирь, в поселок Тисуль Кемеровской области – последнее место моей ссылки. Поселок Тисуль отстоял от ближайшей железнодорожной станции Тяжин километров на 40–45. Регулярный транспорт в Тисуль не ходил. Добиралась на мотоцикле.*

Как трудно мне сейчас передать свое душевное состояние! Я ехала к сыну и в то же время к незнакомому юноше. Что он представляет собой, воспитанник детского дома? Найдем ли мы общий язык? Сможет ли он понять меня? Наконец, он спросит меня, кто его отец. Я металась в сомнениях – надо ли раскрывать тайну страшной трагедии, не будет ли это слишком обременительно для юной души? Конечно, мы встретились после XX съезда партии, и я запаслась вырезками из газет на актуальную тему «культ личности Сталина». В газетном ларьке купила «Письмо к съезду», завещание Ленина, изданное брошюрой.

Увидев издали приближающийся поезд, я, завернув в привокзальный палисадник, свалилась в обморок. Поезд оказался не тот, а к следующему, на котором приехал Юра, я уже отошла. Взглядом я старалась охватить весь состав одновременно, боясь, что пропущу Юру. Ведь я видела только его детские фотографии. И вдруг неожиданно я почувствовала объятия и поцелуи. Сын подбежал ко мне сбоку, я не заметила этого. Узнать его можно было только по глазам – такие же лучистые, как в младенчестве. Каким худющим он был, трудно рассказать, брюки еле держались на костлявых бедрах, каждое ребрышко можно было пересчитать. Я вглядывалась в его лицо, искала знакомые до боли родные черты. Как только он заговорил, у меня защемило сердце: тембр голоса, жестикация, выражение глаз – точно отцовские...

– *Вот как бывает, Юрочка!.. Вот как бывает!..* – иных слов в первое мгновение я найти не могла.

– *Теперь я понимаю, в кого я такой худой,* – сказал он.

К вечеру мы добрались до Тисуля. Следующий день прошел спокойно. Юра был веселым, пел песенки, бегал в огород за гороховыми стручками. То был счастливый, удивительно легкий, светлый день. Будто камень с души свалился. Я познавала сына, расспрашивала его обо всем на свете. Юра был студентом Новочеркасского гидромелиоративного института, но мне хотелось знать, не интересуется ли он естественными науками или математикой. Рассказала, что дед его, Иван Гаврилович, был математиком и когда-то преподавал в женской гимназии. Об увлечении отца естественными науками умолчала, не хотела напоминать о нем. В конце концов, сын стал художником, и я думаю, что это увлечение перешло к нему от отца. Гены есть гены.

На следующий день Юра все же спросил:

– *Мама, скажи, кто мой отец?*

– *Ну, как ты думаешь, Юрочка, кто твой отец?*

– *Должно быть, профессор какой-нибудь.* – Его ответ меня рассмешил.

– *Не профессор, а академик. Но главное,* – продолжала я, – *не то, что он академик, а то, что он известный политический деятель.*

– *Назови его фамилию.*

– *Фамилию я назову тебе завтра.* – Я все оттягивала момент признания, все думала, назову фамилию, а он мне в ответ: «Так это тот самый – враг народа Бухарин»... Как страшно мне было в те минуты.

– *Если ты не хочешь сейчас назвать фамилию отца, то я попробую сам, а ты, если я назову правильно, подтвердишь. Хорошо?* – Я согласилась.

– *Предполагаю, что мой отец Бухарин.*

Я с изумлением посмотрела на сына:

– Как же ты догадался?

– Я действовал методом исключения. Ты сказала, что мой дед Иван Гаврилович, что мой отец был видным политическим деятелем. И я стал думать, кто из видных политических деятелей был «Ивановичем», и пришел к выводу, что это Бухарин, Николай Иванович.

Меня поразило, что Юра знал имена и отчества всех видных политических деятелей, соратников Ленина... Но я и по сей день не исключаю того, что, быть может, детская память ребенка запечатлела фамилию отца.

Прощаясь с сыном, я просила его не разглашать своей действительной фамилии, опасаясь тех или иных трудностей в его дальнейшей жизни. В детском доме сыну выдали паспорт, в котором указали фамилию моих родственников, от которых он был взят в детдом. Так он стал Гусманом Юрием Борисовичем, хотя формального усыновления не было. Однако тайну своего происхождения хранить ему было трудно. Незадолго до окончания института, перед присвоением офицерского звания, Юре предстояло заполнить подробнейшую анкету. Умолчание об отце он рассматривал как умышленное укрывательство, и это его угнетало. В письме ко мне он просил разрешения на разглашение, и я отправила телеграмму, назвав фамилию, имя и отчество его отца.

– С кем свела вас судьба за долгие годы пребывания в лагерях и тюрьмах? Что больше всего поразило?

– Судьба свела меня с матерью, сыном которой гордилась вся страна, а уж мать и подавно, может, неосознанной внутренней гордостью, но не могла не гордиться. Зато и проклинала страна его дружно. Я не была матерью такого сына, я была женой такого всенародно проклятого мужа.

Я встретила с семьей Тухачевского в самые трагические для нее дни, в поезде Москва – Астрахань 11 июня 1937 года по пути в ссылку. Меня довез на машине до вокзала и посадил в вагон, плацкартный, зато бесплатный, сотрудник НКВД, нарочито вежливо распрощавшись со мной и будто в насмешку пожелав всего хорошего. По дороге на станциях выходили из вагонов пассажиры и хватали газеты с сенсационными известиями. В них сообщалось, что «Военная коллегия Верховного Суда СССР на закрытом судебном заседании рассмотрела... что все обвиняемые признали себя виновными...». В тот день погибли крупнейшие военачальники. В их числе и маршал Тухачевский.

Я заглянула в газету через плечо соседа, чтобы своими глазами прочесть сообщение, но буквы запрыгали, как только я прочитала: приговор приведен в исполнение.

Был теплый день, я смотрела в окно и незаметно утирала слезы. Через окно виднелись обширные степи, зеленые перелески и ясное небо – чистое-чистое. Поезд мчал меня в незнакомую Астрахань, с каждой минутой отдаляя от родной Москвы, от годовалого сына, которого мне пришлось увидеть через 19 лет. Я чувствовала себя одинокой среди посторонних людей, не понимавших моей трагедии, в свои 23 года заброшенная в чужие края, как занесенная ветром песчинка.

И вдруг у противоположного окна я заметила двух женщин – старуху и женщину лет 35, а с ними девочку-подростка. Они также внимательно прислушивались к читавшим газету, к тому, как реагируют на это окружающие. Черты лица старухи мне кого-то напоминали. Меня словно магнитом потянуло к ним. Я сорвалась с места и попросила пассажира, сидящего против них, поменяться со мной местом. Я понимала, что в такой обстановке они не назовут себя, прежде чем я не объясню им, кто я. Но как сказать? Я же могла ошибиться в своих предположениях, что они свои – теперь уже больше, чем родные.

Я подошла вплотную к молодой женщине и очень тихо сказала: «Я жена Николая Ивановича». Сначала я решила не называть фамилии; имя и отчество Бухарина были так же популярны, как и фамилия. Ну а уж если не поймет, решила назвать и фамилию. Но ответ последовал мгновенно: «А я – Михаила Николаевича».

Так я познакомилась с семьей Тухачевского: его матерью Маврой Петровной, женой Ниной Евгеньевной, дочерью Светланой.

Тогда мать маршала еще не знала, даже, может, никогда и не узнала, что еще два ее сына – Александр и Николай – тоже расстреляны. Не знала она и того, что дочери ее тоже арестованы и осуждены на 8 лет лагерей.

Умерла Мавра Петровна в ссылке.

Эта встреча – одна из многих, оставивших память во мне на всю жизнь. А что поразило? Поражало все...

...Двое с револьверами в кобуре вывели меня из помещения на дорогу, ведущую к оврагу. Это было под вечер, солнце на три четверти упало за горизонт. В мгlistой дали предвечерних сумерек виднелся тот злоеющий овраг, о котором я уже знала, с редкими березками, забрызганными человеческой кровью. Я сделала несколько шагов, и вдруг во мне наступило ощущение того, что я полностью отрешена от жизни. То был конец – конец восприятия реальности. Охватившее меня оцепенение парализовало мышление. Будто я катилась вниз, в пропасть, как бессмысленная каменная глыба после горного обвала. Неожиданно до меня донесся шум, нарушивший гробовую тишину нашего шествия, поначалу воспринятый мной как раздражающее гудение сирены. Потом я различила человеческий голос, а затем стала понимать доносимые до меня слова. Мы остановились у самого края оврага. Я обернулась, вдали бежал человек в светлом полушубке. «Назад! Назад!» – кричал он...

Стоял лютый декабрьский мороз. Я продрогла. На мне была старая, уже изношенная шубка, высокие фетровые валенки Николая Ивановича, с загнутыми голенищами, старые, прохудившиеся, в ноги проникал снег. На голове теплая пыжиковая шапка-ушанка, принадлежавшая когда-то Сталину, – мое случайное «наследство». В конце 1929 года, после окончания конференции аграрников-марксистов мой отец (а возможно, и Сталин) из двух пыжиковых шапок, висящих на вешалке рядом, по ошибке надел не свою. Шапки отличались друг от друга лишь цветом подкладки. По обоюдному согласию шапки вновь не были обменены. В единственной посылке, которую до своего ареста успела прислать мне мать, оказалась и эта шапка. Так, по иронии судьбы, шапка Сталина оказалась на мне, когда меня вели на расстрел. В шапке Сталина я провела весь срок заключения...

Из интервью с А. М. Бухариной-Лариной, 1987

* * *

После моей публикации, посвященной трагической судьбе Николая Ивановича Бухарина и его жены Анны Михайловны Лариной, «Он хотел переделать жизнь, потому что ее любил» («Огонек», ноябрь 1987) я получил огромное количество писем со всего света. В основном писали те, кто так же, как Анна Михайловна, побывали в аду сталинских лагерей, кому хотелось поделиться пережитым. Многие письма нельзя было читать без содрогания. К сожалению, из-за большой занятости я не успевал разбирать почту и прочитывать все-все-все письма (за что сегодня, спустя много лет, приношу свои искренние извинения авторам, кого-то из них, возможно, уже нет на свете).

Часть писем, адресованных Анне Михайловне, я ей передал, некоторые мы опубликовали на страницах «Огонька». Но какие-то пролежали в моем архиве непрочитанными четверть века.

Привожу два письма из «огоньковской» почты той давней поры.

Моя дорогая Анна Михайловна!

Несколько раз видела Вас по телевидению. Безгранично рада, что наступил тот день, когда правда восторжествовала. Но кто может вернуть жизнь наших мужей?

Вам пишет жена бывшего Постоянного представителя болгарского комсомола в КИМе Киранова Ивана – Валкана (Весса) Тошева. Мы были вместе в 72-й камере на Лубянке. Нас было 10 человек: Вы, Галина Михайловна Юренева (жена посла), Ольга Михайлова-Буденная, Дорочка – домработница Орджоникидзе и др.

О Вас знаю все, все. Помню Вас красивую, с длинными, черными волосами, стройную. Помню рассказы о Ваших допросах и слезы о маленьком сыне Юре и пр. Я встретила Вашу мать в Карлаге и рассказала ей все, что знала. Имя не помню, отчество – Григорьевна.

Меня на Лубянке держали на конвейере 6 суток, ОСО приговорило в 8 годам. В лагере судили 2 раза по 58-10-П к высшей мере. В тюремном изоляторе в Карлаге – с. Долинка я просидела с 19.12.1939-го по 24.4.1944 г. в одиночной камере по доносу моей бригадирши за то, что говорила, что невиновна. «Советская власть невинных не судит». Заменили 10 годами лагерей, не засчитав мне просиженные под следствием 4 года.

После окончания срока ОСО добавило еще 5 лет и еще ссылку бессрочную в Красноярский край, итого 18 лет. Вернулась 5.10.1955 г. Уехала в Болгарию. Вот вся моя жизнь. Сейчас мне 74 года, больная, но морально воскресшая. Читала и вырезала «Правду» от 20.10. с. г.

С глубоким уважением и поцелуем, Весса Тодоровна Тошева
25.11.1988

Для справки:

Коммунистический Интернационал молодежи (КИМ) – международная молодежная организация (1919–1943), секция Коминтерна.

Киранов Иван Кирович (1915, Болгария – 1934, Москва) – болгарин, член Болгарской рабочей партии. Арестован и расстрелян в 1934 году в Москве. Реабилитирован.

К. К. Юренин – советский дипломат, перед арестом (1937) посол СССР в Германии. Расстрелян в 1938 году. Реабилитирован.

Ольга Михайлова-Буденная – жена С. М. Буденного, певица, артистка Большого театра. Арестована в 1937 году. Освобождена в 1955-м. Реабилитирована.

Особое совещание (ОСО) – внесудебный орган, имевший полномочия рассматривать уголовные дела по обвинениям в общественно опасных преступлениях и выносить приговоры.

Глубокоуважаемая Анна Михайловна!

С глубоким волнением я прочитал в журнале «Огонек» № 48 о Вашем супруге и друге Бухарине Николае Ивановиче, который был незаконно репрессирован Сталиным (чтобы земля ему стала адом) и его тенью.

...По национальности я ингуш. Наш народ тоже пострадал от кровавой руки Сталина. В 1944 г. весь чечено-ингушский народ был репрессирован и сослан в Казахстан. Мне, когда меня сослали как «врага народа», было три года. Таких малолеток было очень много: калмыки, чеченцы, ингуши,

карачаевцы, балкары. Удивляюсь, какую опасность могли составить дети и женщины?

До сих пор не могу забыть то, что я увидел в детстве в г. Акмолинске, Каз. ССР. Там вплоть до 1953 года был страшный АЛЖИР (Акмолинский лагерь жен изменников Родины). За колючую проволоку Сталиным и его кликой были брошены безвинные жены военачальников и парторботников из когорты В. И. Ленина.

...Я верю, что после реабилитации невинно казненных и живых состоится суд народа над Сталиным и его кликой, и он воздаст им за все.

С глубоким уважением, Зелимхан Ахметович Дотмурзиев

ЧИ АССР, г. Маллгобек

26.02.88

Еще одно письмо в журнал «Огонек»:

Огромное чувство волнения, горечи, боли непреходящей заставило меня написать вам, чтобы найти ответ на мучающий меня вопрос.

Мой муж В. А. Левин, член партии с 1915 года. Не буду перечислять его заслуг и занимаемых им постов. Это не важно. Важно то, что он был уничтожен вместе со всеми, кто являлся гордостью нашей партии.

Как член семьи изменника родины была репрессирована и я. Решение XX съезда партии о необходимости памятника всем погибшим в те страшные годы я встретила тогда с чувством большого удовлетворения и ждала его, боясь, что не доживу.

Но вот начались сомнения: а нужно ли это?

Попытаюсь объяснить, почему возникли эти сомнения. В «Огоньке» появилась публикация И. Жукова «Смерть героя», в которой было приведено сообщение Главной военной прокуратуры о составе суда над Тухачевским и др. Среди прочих членов суда названы имена Блюхера и Дыбенко, которые позже были уничтожены, как и многие другие.

Но, знаете, как часто бывает, вдруг какая-то мелочь высвечивает события совершенно по-особому. Мне вдруг стало страшно, ведь работала огромная, прекрасно отлаженная машина по уничтожению людей. Уничтожали их с 1934-го по 1953 год. Можете себе представить, сколько раз за эти годы менялся состав исполнителей этой воли «сверхчеловеков»? Меня еще не успели отправить в лагерь, а в моей камере появилась жена моего следователя. Таким образом, мой следователь превратился из карателя в жертву.

Меня не били, но я видела избитых, я слышала крики истязаемых. Вот и Блюхер оказался в одном ряду с карателями (если это правда?). А ведь за время суда он мог сто раз покончить с собой, как это сделал Гамарник.

Какое страшное кровосмешение – жертва и убийца в одной могиле, в одной «Красной книге», под одним памятником!

Как это пережить и можно ли положить цветы к такому памятнику? Вы не задумывались об этом?

Когда я прочитала статью «Смерть героя», первым моим побуждением было написать письмо М. Горбачеву, но я остановила себя. Но вот в последнем номере «Огонька» прочитала стихотворение Евтушенко о «еще не поставленных памятниках». Читаю и перечитываю. Вникаю в каждое слово, но душевное смятение не проходит.

15.08.87. Москва, проспект Мира, 99, квартира 232

Глава 4. Сын А. И. Микояна Серго Микоян: «Сталин ждал, когда мой отец покончит с собой...»

Впервые это имя я запомнил с нашумевшей книги Эрнеста Хемингуэя «Праздник, который всегда с тобой», вышедшей у нас в 1962 году. В послесловии к этой пронзительной повести, подписанном Серго Микояном, подробно рассказывалось о том, как он вместе с отцом Анастасом Ивановичем Микояном побывал на Кубе в гостях у великого американского писателя. Как завидовал я тогда неумной завистью начинающего журналиста своему коллеге, побывавшему у кумира моего поколения! Каким далеким и фантастическим казалось тогда все это: молодая Куба, Фидель, легендарный Хемингуэй, Серго Микоян, сын самого Микояна.

Мы познакомились и подружились в самый разгар перестройки, оказавшись вместе в США в группе деятелей культуры, политиков, журналистов. Потом я не раз бывал у него дома на Спиридоновке, в цековской квартире, которая казалась мне музеем: личные вещи Анастаса Микояна, сувениры со всего света, редкие книги, архив...

Серго Микоян – публицист, историк, много лет возглавлял журнал «Латинская Америка». Первым в нашей печати он написал о кровавом Берии, а его статья «Покаяние и искупление» о том, что нельзя чохом перечеркивать нашу историю, потому что история за это отомстит, вызвала острую дискуссию в обществе. Как мы теперь видим, Серго оказался прав.

После перестройки Серго Анастасович пропал, вроде бы уехал в Америку по какому-то гранту вместе с семьей и жил в Вашингтоне, иногда навещаясь в Москву...

Когда в августе 1991 года я спросил Серго: «А мог бы твой отец, будь он жив, прийти к Белому дому защищать демократию? Ведь ты же пришел...», он ответил: «Заходи ко мне домой с диктофоном, вот мы и порассуждаем».

Предмет наших тогдашних рассуждений я обнаружил недавно в своем архиве. Прочитал интервью и приятно удивился. Мне показался весьма интересным и во многом злободневным тот давнишний разговор об Анастасе Ивановиче Микояне, по легенде, якобы двадцать седьмом бакинском комиссаре, сумевшим спастись и пережить много и многих, в том числе и самого Сталина.

Помните злорадного свойства анекдотец? – Хрущев подковыривает своего друга Анастаса: «А почему же ты без зонта, ведь идет дождь?» – «А я между струйками».

При встрече я спросил Серго, знал ли отец этот анекдот, а еще хлесткую поговорку о нем же: «от Ильича до Ильича без инфаркта и паралича».

– Отец услышал однажды эти слова, посмеялся. Что же, он приспособился к ситуации, не противостоял ей, а как на его посту можно было противостоять? Немедленно бы уничтожили. И не одного его. Ведь Сталин, если расправлялся с наркомом, арестовывал, обвиняя в мифическом заговоре, сотни людей с женами и детьми. Отец был наркомом пищевой промышленности, значит, все директора мясокомбинатов, молочных заводов, кондитерских фабрик, «холодильников», витаминных заводов немедленно были бы арестованы как вредители, завербованные Микояном. Все же при назначении наркомом внешней торговли он добился от Сталина, чтобы НКВД не вмешивалось в работу его ведомства. Это означало, что не будут арестовывать его сотрудников. Наркомат стал островком безопасности в стихии репрессий.

В 20-е годы отец искренне считал, что Сталин – продолжатель дела Ленина. В 30-е годы, особенно после убийства Кирова, он стал понимать, что с возмездом происходит метаморфоза. Потом началась война, отец отвечал за снабжение и тыла, и фронта: на нем было обмундирование, питание, горячее, обувь, табак, лыжи, транспортные средства и даже артиллерийские снаряды. Он с головой окунулся в эту важнейшую и труднейшую работу, и Сталин ему почти не мешал, только изредка вмешивался, чаще всего неудачно.

После войны отец надеялся, что Сталин пойдет на «демократизацию» – это собственные слова отца, цитируемые мною из надиктованных им воспоминаний. Он имел в виду, конечно, не нынешнюю демократизацию России, а демократизацию партии и прекращение завычивания гаек в обществе. Но оказалось, что Сталин решил заново закручивать гайки. Тут Микоян и стал психологически отходить от Сталина, который своим звериным нюхом не мог не уcatchать этого...

Был ли отец для меня кумиром? Кумиром не был, но героем, наверное, был. Не в том смысле, что я хотел быть похожим на него. Конечно, семья и школа воспитывали нас, детей Микояна – Степу, Володю, Алешу, Ваню, меня, – в духе безграничной и безоглядной, фактически фанатичной веры во все, что преподносилось советской пропагандой (признаться, я был самым наивным, доверчивым, то есть глупым). А, следовательно, поскольку отец был где-то в самой верхней части пирамиды власти, под этим углом зрения он был для меня героем.

Когда отец умер, мне было 49 лет. Я способен был быть объективным и понимать, что отец – слишком солдат партии. Стал им, когда партия в основном состояла из романтиков и идеалистов при всем их фанатизме и неоправданном мецанстве. Но потом он как бы не заметил или не решился осознать происходившую с партией трансформацию. Или не дал ей должной оценки. Не хватило духу. Даже после смерти Сталина.

Сталин и Микоян – это особая тема, которая достойна более полного изложения. Но кое о чем я тебе расскажу. Как я воспринимал Сталина при жизни отца? Конечно, официально, как и большинство советских людей. Дело не только в том, что все тотально прослушивалось. Мы же были детьми, и нас нельзя было ни во что посвящать. То немного, что отец говорил о Сталине, было только информацией. Позже я понял, что в ней иногда содержался подтекст. Отец говорит: «Товарищ Сталин считает, что это неправильно. Он говорит, что это эсеровский подход. Зачем же нам вести себя по-эсеровски?»

Отец знал, что в доме есть подслушивающее устройство, но один раз, во время «дела врачей», когда арестовали Виноградова, который лечил Сталина, при мне он сказал маме: «Товарищ Сталин приказал, чтобы врачей в тюрьме били, тогда они напишут инструкцию, как нам жить, чтобы жить дольше». «Неужели для этого надо бить людей?» – печально спросила мама, которую тоже лечил профессор Виноградов. «Товарищ Сталин считает, что да», – ответил отец. Я услышал этот разговор и понял, что отец специально сказал об этом, но так, чтобы те, кто подслушивали, не могли использовать сказанное против него. Мама еще в большем недоумении: «Так ведь они работали в Кремлевке. И только этим и занимались. А теперь – враги». Разговор происходит в общей комнате – в гостиной – на даче в Зубалове, на столе в углу пять телефонных аппаратов, а в стенах бог знает что. «Он говорит, что теперь-то они скажут правду». Театр абсурда! Мне 23 года, и я, естественно, в силах улавливать оттенки речи, нюансы интонации, выражения лица.

Но виновником всех жестокостей для меня являлся Берия. Об этом дома не говорят, но это как бы подразумевается. Одна только мама осмеливается вслух выражать отсутствие симпатии к Берии. Мой брат Алеша просвещал меня на открытом воздухе. А на семидесяти-летию Сталина, сидя в партере Большого театра и слыша выкрики с мест во славу вождя, Алексей говорит: «Видишь, как слаженно работает бериевская команда. Горла не жалеет». Я в недоумении: «Ты думаешь, это подстроено?» – «Еще как! У каждого бумажка, и каждый знает свое время».

5 марта 1953 года. Вселенская трагедия. Вот только я не вижу у отца трагического выражения на лице. Наоборот, он энергичен, бодр, деловит. Контраст с последними двумя-тремя месяцами, когда он был строг, сосредоточен, хмур. Только чуть позже я узнал, что это были месяцы, когда вождь ждал, что отец покончит с собой. Что еще может сделать тот, кого на Пленуме ЦК сам Сталин публично обвинил в пособничестве империализму, кого не приглашают на совещание, кому не присылают информацию, положенную члену Политбюро?

Это вам не лай своры Зайкова на Пленуме МГК против Ельцина. Там была ставкой жизнь. А вернее – смерть. Мучительные пытки, позорная смерть. Лагерная пыль для всей семьи и десятков, если не сотен, «микояновских» командных кадров пищевой промышленности, торговли, а также для сотни членов их семей и сотен их кадров и членов их семей. Если щупальца Лубянки получают добро на свою кровавую охоту, когда замкнется цепочка, не знает никто.

Но приходит конец тирану. Для меня это – трагедия. Я спрашиваю отца: «Что же теперь будет?» – «А что, собственно, должно или может быть?» – «Война?» – изрекаю я глупость, которая тогда была у многих на устах. И слышу ответ, в котором критика Сталина уже выражена в словах, а не только в интонации: «Если уж при нем не случилось войны, то тем более не будет без него». Я почти оскорблен за Сталина (а ведь по его личному указанию я просидел шесть месяцев на Лубянке, когда мне исполнилось 14 лет).

Да что я! Смерть Сталина – трагедия и для моей жены, Аллы, отец которой, Алексей Кузнецов, мужественный лидер 900-дневной обороны блокированного Ленинграда, расстрелян три года назад по «ленинградскому делу», а мать находится в тюрьме. Ведь Алла уверена, что ее отца, которого она обожает и втайне, конечно же, ждет, и ее мать погубили Берия и Маленков, а Сталина всегда кто-то вводит в заблуждение... Кстати, на Алле я женился в тот самый день, когда ее отца сняли со всех постов «за антипартийное поведение». Конечно, об этом было известно заранее. Но мой отец вовсе не предостерег меня: подожди, будь осторожен. Наоборот, когда я сказал, что все равно намерен жениться на ней, он сказал: «Правильно. Она тебя любит, и ты ее любишь. Она и нам нравится. Женись». Это было явное неподчинение вождю, явный вызов, протест.

Очень важным моментом для меня стало разоблачение культа Сталина. Мои дяди Гай Туманян и Артем Микоян начинают исподволь меня просвещать. И нужно несколько месяцев, чтобы глаза мои открылись. Теперь я внимательно слушаю рассказы отца о Сталине. Возникает образ злого гения – умного, незаурядного человека, коварного диктатора, руки которого, как выразился Уинстон Черчилль, по локоть в крови.

Один эпизод в моей личной судьбе, связанный со Сталиным. Отец никогда не помогал нам продвигаться по жизни, хотел, чтобы мы сами всего добивались. И все же фамилия работала сама по себе. Однако с разными знаками. Фамилия давала свои возможности в быту, в разных жизненных ситуациях. И, как это ни парадоксально звучит, именно она привела меня на Лубянку, как только я окончил 6-й класс школы. Это была уже привилегия – так рано оказаться там, где было столько достойных людей.

В 1947 году меня приняли в Институт международных отношений. С другой фамилией бы не приняли. И вот однажды Сталин спросил отца: «А где те два твоих сына, которые были арестованы?» Он ответил, что один – слушатель Академии имени Жуковского (это был Ваня), а другой – студент МГИМО. Последовал грозный, но абсолютно риторический вопрос: «А разве они заслужили право учиться в советских вузах?» Сталин умел одной фразой очень многое сказать. Микоян промолчал. (Большинство его коллег ответили бы: «Не заслужили, товарищ Сталин» в тайной надежде ограничить дело исключением из института.) Микоян несколько дней, потом недель, потом месяцев ждал повторного нашего ареста. Но, видно, великий вождь за множеством дел подобного рода забыл о двух юных врагах народа, пробравшихся в советские вузы.

...Я бы сказал, что характер у отца был не сахар. Вот еще один эпизод, связанный с вождем народов. В конце 1940-х годов Берия доложил Сталину, что жены членов Политбюро бесплатно пользуются швейным ателье в Управлении охраны МГБ. Отец пришел домой возмущенный. Мама говорит: «Я знаю, что другие не платят. Но я всегда платила. Ни одной вещи ни на тебе, ни на сыновьях не сшила бесплатно». – «Врешь! Берия сказал, что ему доложили, все вы не платили. Они не могут не знать». Трудно описать, как обиделась мама. Она была чрезвычайно аккуратным человеком, хранила всякого рода квитанции и документы деся-

тилетиями. Вот она и принесла ему, молча, картонную коробку с квитанциями. После этого недели две она говорила с ним односложными ответами: «Да, нет». Отец понял свою вину. А потом рассказывал, как торжественно выставил коробку с квитанциями на стол Сталину, сказав: «Не знаю насчет других жен, но моя жена за все платила. Не понимаю, почему Берия не знал об этих документах. Что за служба у него такая, если не могли обнаружить копии этих квитанций».

1991

...Жизнь развела меня с Серго Анастасовичем во времени и в пространстве. Последняя встреча произошла в Волынской больнице Управления делами Президента. Гуляя по территории огромного парка неподалеку от знаменитой «ближней» дачи Сталина, я вспоминал о том, что именно здесь летом 1952 года случилось ЧП – бдительная охрана вождя обнаружила пулю, которая воткнулась в асфальт дорожки примерно на полсантиметра. Что это? Покушение на товарища Сталина? Переполох! Немедленно провели баллистическую экспертизу и выяснили, что выстрел из винтовки был произведен со стороны Воробьевых гор, а точнее – с высоты строящегося здания МГУ. Направленные туда оперативные работники без особого труда нашли солдата-конвойного, охранявшего заключенных, которые использовались на строительстве университета. Его-то ружье, выстрелившее случайно, по закону подлости оказалось направлено в сторону находящегося вдалеке правительственного объекта, и пуля «дотянула» до сталинской дачи... По крайней мере такая версия долгие годы оставалась единственной, другой я не слышал.

Так вот в коридорах больницы я столкнулся с седым, еле бредущим пожилым мужчиной. Пригляделся и понял – передо мной Серго Анастасович. Но больница не лучшее место для бесед и воспоминаний, да и его состояние не позволило мне напроситься на разговор с диктофоном. А жаль. Насколько я знаю, мемуаров Серго не написал.

Скончался Серго Анастасович Микоян в марте 2010 года на 81-м году.

Глава 5. Главный конструктор ОКБ им. А. И. Микояна корпорации «МиГ» Николай Матюк: «Я ничего не просил у вождей для себя»

Когда в 1999 году в Кремле Владимир Путин награждал главного конструктора ОКБ имени А. И. Микояна Российской самолетостроительной корпорации «МиГ» Николая Матюка орденом «За заслуги перед Отечеством», 90-летний ученый подошел к президенту уверенной, твердой походкой. Поверить в то, что он прожил почти век, было абсолютно невозможно.

Николай Захарович Матюк (1909–2007) – выдающийся авиаконструктор, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и трех Государственных премий, доктор технических наук, заслуженный деятель науки и техники, конструктор многих самолетов, в том числе МиГ-25, транспортного самолета МиГ-110.

Во время беседы этот человек поразил меня феноменальной памятью о прошлом и абсолютно адекватным восприятием современной жизни.

Я горжусь тем, что великий Николай Матюк дал мне подробное и очень интересное интервью. Привожу здесь некоторые фрагменты из него.

– Когда вас принимал президент, у вас не было возможности о чем-то его попросить?

– *Я встречался с Владимиром Владимировичем и раньше. Ну, о чем можно его просить? О личном – бестактно. О государственном деле, о чем-то очень важном, что поможет в нашей работе, – вполне возможно. Хочу сказать, что на подобных рандеву, то есть на «встречах с вождями», я бывал. Встречался, в том числе, и со Сталиным в Кремле, на даче под Москвой или в Крыму. Но никогда ничего не просил лично для себя – ни квартиры, ни повышения зарплаты, ни каких-то иных благ. Были просьбы только о том, скажем, чтобы включить в госплан практическую идею, связанную с разработкой нового самолета.*

– Мне кажется, вы знаете все о советском авиастроении. Скажите, каково было его состояние перед войной?

– *В 1939 году по приказу Сталина было создано наше ОКБ. Сталин внимательно следил за его работой, регулярно интересовался, как идут дела. Шла война в Испании. На земле и в небе дрались идеологические противники – испанские и немецкие фашисты противостояли испанским и советским коммунистам. Советские летчики в боях разносили врага в щепки. Наши командармы приобретали при этом необходимый опыт. Они приходили в бюро и просили создать для армии такой истребитель, который дрался бы, как ставший тогда знаменитым немецкий «мессершмитт». И такой самолет мы сделали. Возглавлял работу первоклассный конструктор Николай Поликарпов.*

Сначала мы разработали МиГ-1, а в начале войны начали выпускать МиГ-3. Эта машина достигала скорости в 640 километров в час и была способна обгонять в небе «мессершмитты». В обороне Москвы участвовало уже тысяча двести наших МиГов.

– Николай Захарович, когда я был мальчишкой, любил посещать Новодевичье кладбище, где захоронено много выдающихся личностей. И я подолгу стоял у мемориальной стены летчиков и пассажиров, погибших на самом большом самолете 1930-х годов «Максим Горький». Что же все-таки тогда случилось?

– *В те годы страна, не без энтузиазма Сталина, болела гигантоманией. Вот в угоду ему и был сотворен самый большой в мире гражданский самолет. Следует сказать, что сам-то проект был удачным, авария произошла по человеческой глупости. На парад по случаю создания гигантской машины созвали всех участников проекта с семьями, детьми. На трибуне были и самые высокие кремлевские гости. Создатели машины, чтобы показать, как велик самолет, запланировали трюк: другой самолет обычных размеров должен был совер-*

иить «мертвую петлю» вокруг одного из крыльев. «Петлю» летчик сделал, но сбил крыло. И машина рухнула.

– Как вы расцениваете полет Путина на боевом самолете?

– Если честно, я не знаю, зачем это нужно. Ну, приятно, что Путин так боеспособен, не каждый из всех прошлых руководителей страны мог решиться на такое. Думаю, что и Сталин бы не решился. Да, наверное, и его окружение отсоветовало бы ему это делать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.